

Мария СМЕРНОВА

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БОЛГАРСКИХ КОЛОНИЯХ БЕССАРАБИИ В 40-Х ГГ. XIX В.: НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА

CZU:94(478):37(=163.2)

<https://doi.org/10.52603/rec.2025.37.20>

Rezumat

Învățământul școlar în coloniile bulgare din Basarabia în anii '40 ai secolului al XIX-lea:

baza normativ-juridică

Articolul analizează baza normativ-juridică a învățământului școlar în coloniile bulgare din Basarabia în anii '40. Pe baza „Instrucțiunilor privind regulile principale pentru școlile rurale din colonii” din anul 1842, sunt examinate particularitățile organizării procesului educațional, rolul comunităților locale în administrarea școlilor și aplicarea metodei de învățare reciprocă Lankaster. Deschiderea școlilor a fost inițiată de autoritățile imperiale, dar funcționarea lor depindea în mare măsură de implicarea administrației locale. Învățătorii erau selectați de către comunitate, iar autoritatea lor morală și competențele pedagogice erau esențiale. Prin metodele aplicate se urmărea formarea unei elite locale bine instruite, capabile să contribuie la dezvoltarea administrativă și economică a coloniilor. Educația era gratuită, accesibilă tuturor copiilor și îmbina alfabetizarea cu formarea moral-religioasă. Se remarcă implicarea Bisericii Ortodoxe și utilizarea limbilor locale pentru atragerea părinților. Se concluzionează că acest model educațional a contribuit la integrarea coloniștilor străini în imperiu, păstrând totodată specificul local. În pofida progreselor, persistau și anumite limitări, cum ar fi lipsa accesului la învățământul gimnazial și superior, și prevalarea limbii ruse.

Cuvinte-cheie: Basarabia, colonii bulgare, legislație școlară, metoda Lankaster, educație în secolul XIX.

Резюме

Школьное образование в болгарских колониях Бессарабии в 40-х гг. XIX в.: нормативно-правовая база

В статье анализируется нормативно-правовая база школьного образования в болгарских колониях Бессарабии в 40-х гг. XIX в. На основе «Наставлений о главных правилах для сельских школ в колониях» (1842) рассматриваются особенности организации образовательного процесса, роль местных сообществ в управлении школами и применение метода Ланкастера (метода взаимного обучения). Открытие школ было инициировано имперскими властями, однако их функционирование в значительной степени зависело от участия местной администрации. Учителей выбирали сами колонисты, и их нравственные качества и педагогическая компетентность были крайне важны. Применяемые методы преследовали цель сформировать образованную местную элиту, способную внести вклад в административное и хозяйственное развитие колоний. Образование было бесплатным, доступным

всем детям и сочетало обучение грамоте с религиозно-нравственным воспитанием. Отмечается участие Православной церкви и использование местных языков для привлечения родителей. Делается вывод, что такая модель образования способствовала как интеграции иностранных колонистов в империю, так и сохранению локальной самобытности. Несмотря на достижения, сохранялись ограничения, включая отсутствие доступа к гимназиям и вузам, а также доминирование русского языка.

Ключевые слова: Бессарабия, болгарские колонии, школьное законодательство, метод Ланкастера, образование в XIX в.

Summary

School Education in the Bulgarian Colonies of Bessarabia in the 1840s: Regulatory and Legal Framework

The article analyzes the regulatory and legal basis of school education in the Bulgarian colonies of Bessarabia during the 1840s. Based on the “Instructions on the Main Rules for Rural Schools in Colonies” issued in 1842, it examines the specific organization of the educational process, the role of local communities in school administration, and the use of the mutual instruction method (Lancaster method). Although schools were established by imperial authorities, their operation largely depended on the involvement of the colonial administration. Teachers were selected by the community, and their moral authority and pedagogical skills were essential. The applied methods aimed to form a locally educated elite capable of contributing to the administrative and economic development of the colonies. Education was free, accessible to all children, and combined literacy with moral and religious formation. The involvement of the Orthodox Church and the use of local languages to attract parents are also emphasized. The article concludes that this educational model contributed to the integration of foreign colonists into the empire while preserving local identity. However, limitations remained, such as lack of access to secondary and higher education and the dominance of the Russian language.

Key words: Bessarabia, Bulgarian colonies, school legislation, Lancaster method, 19th-century education.

Вначале следует отметить особую специфику распространения нормативно-правовой базы школьного образования в учебных заведениях, расположенных в колониях болгарского водворения Бессарабии. С момента их открытия в 1840

г. и до второй половины 1870-х гг. данные школы находились в ведении Попечительного комитета об иностранных колонистах южного края России, который, в свою очередь, подчинялся Министерству государственных имуществ (Duminica 2017: 211). Такое административное подчинение определяло их развитие в рамках особой системы управления, отличной от общеимперской модели, регулируемой Министерством народного просвещения. Вследствие этого, реформы, инициированные последним, лишь частично затрагивали школы в болгарских колониях, что существенно влияло как на содержание образовательного процесса, так и на темпы внедрения педагогических и организационных новшеств.

«Наставления о главных правилах для сельских школ в колониях», 1842 г.

Официально первые школы в болгарских колониях начали открываться в течение 1840 г. Тогда, согласно решению министра государственных имуществ, графа Павла Киселёва, в колониях был инициирован процесс учреждения школ. Учебные заведения имели приходской характер, поскольку открывались при церквях. Этот процесс приобрел массовый характер в течение 1841 и 1842 гг., что потребовало от местной администрации выработки нормативных положений, определяющих особенности функционирования данных учреждений. Эти особенности были обусловлены, прежде всего, особым административно-территориальным статусом колонистов в южной части Бессарабии. В результате, в 1842 г. были составлены «Наставления о главных правилах для сельских школ в колониях», ставшие первым регламентирующим документом, регулирующим деятельность учебных заведений в болгарских поселениях (Грек 1993: 22).

Автор данного документа остается неизвестным, однако, по всей видимости, он был связан с Управлением задунайскими переселенцами при Попечительном комитете об иностранных переселенцах южного края России. «Наставления...» были представлены в Попечительный комитет, который одобрил их и направил в местные приказы болгарских колоний. Данным нормативным актом необходимо было руководствоваться при открытии и организации школ в колониях (Грек 1993: 24).

Стоит отметить, что «Наставления» были составлены, по всей видимости, на основе «Устава гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьков-

ского от 1828 года» (Устав 1830: 1097-1127). Этот документ определял структуру и принципы организации начального и среднего образования в Российской империи и, несмотря на особый статус колоний, послужил образцом для адаптации школьного устройства к условиям задунайских переселенцев в Бессарабии.

Так как «Наставления...» действовали в школах болгарских поселенцев несколько десятилетий, то они, по нашему убеждению, требуют тщательного научного анализа.

Правила, которые известны, как «Наставления...», включают 29 статей, каждая из которых имеет название, отражающее ее основную идею. В первую очередь, документ подчеркивал целесообразность открытия школ в сельских поселениях и определял ответственность сельских обществ за их финансовое и материально-техническое обеспечение.

«Наставления...» четко определяют главную цель школы, которая в тот период носила двойкий характер: с одной стороны, она обучала детей грамоте (об этом говорится в первой статье), а с другой – прививала им религиозные ценности, преданность престолу и безусловную верность государю, что зафиксировано в шестой статье.

Статья «О необходимости и пользе учения» подчеркивала, что каждый колонист был обязан обучать своих детей грамоте, поскольку «это приносит им пользу» (Грек 1993: 94).

Стоит подчеркнуть, что обучение объявлялось бесплатным, за исключением расходов на азбуку и прописи, а зарплата учителей выплачивалась из сельского бюджета. Важным было то, что в школу принимались дети обоюбого пола, независимо от их социального статуса и с разрешения сельского приказа. Согласно четвертой статье, чем больше детей обучалось, тем больше уважения и одобрения со стороны властей получали родители и старейшины. Это фактически стало первым шагом на пути к всеобщему обучению, начавшемуся на добровольной основе.

В данном контексте отметим, что сельские общества и приказы обладали широкими полномочиями в управлении школами. Они отвечали за выбор учителя, заключение с ним договора и выплату жалования из общих средств (в соответствии со второй статьей). До строительства отдельного школьного здания, согласно двадцать четвертой статье, сельские приказы должны были обеспечить помещение для школы: временно это мог быть просторный и сухой дом обывателя.

Так, статья двадцать пятая устанавливала обязанность обеспечить школы всем необходимым. В первую очередь предусматривалось наличие образа Спасителя, что свидетельствовало о религиозной направленности образования. Кроме того, школы должны были быть оснащены мебелью, посудой, досками на ножках и другими необходимыми предметами. Рекомендовалось, по мере возможности, приобретать портрет государя императора, настенные часы с маятником, греческую губку, аспидные доски с грифельами, учебные книги и прочее (статья 26).

Эти данные отражают как наличие минимальных условий для открытия школ, так и стремление местных властей укрепить их материально-техническую базу. Учитель имел право пользоваться всеми предметами и нес ответственность за их сохранность.

Представители общины и прихода могли присутствовать на публичных и частных экзаменах в школе (статья 11), принимать решения об исключении неисправимых учеников (статья 20), контролировать применение физических наказаний (статья 18), а также следить за поведением учителя и регулярностью проведения занятий (статьи 21, 22). Колонисты полностью содержали школу, контролируя весь учебный процесс и деятельность работников школы.

В рассматриваемом нормативном документе несколько статей посвящены роли учителя в обучении и воспитании детей «задунайских переселенцев». Так, сельское общество могло выбирать на должность учителя только тех, кто обладал «установленными письменными видами и достаточными способностями» для преподавания школьных предметов, а также «добрыми и нравственными качествами», такими как трезвое, честное и благонравное поведение, подавая тем самым пример ученикам (Грек 1993: 94). Учитель был обязан преподавать все предметы: чтение и чистописание по гражданской печати, Закон Божий, первые четыре правила арифметики с использованием счетов для сложения и вычитания (статья 6). На эту должность мог быть избран и человек духовного звания, но на общих основаниях.

Учитель должен был перед началом учебного года записывать всех тех, кто будет посещать школу (статья 5), вести школьную документацию о посещаемости и успеваемости учащихся (статьи 12 и 28), следить за их чистотой и опрятностью (статья 13), выявлять способных учеников и содействовать их дальнейшему развитию своими советами и наставлениями.

Документ также устанавливает рабочее время для учителей: обучение проводилось 4 часа до обеда и 3 часа после обеда, за исключением воскресных, праздничных и торжественных дней. Учебный день начинался и заканчивался молитвами (статья 9), во время которых учащиеся стояли и смотрели на образ Спасителя.

В документе представлена последовательность преподавания предметов: после обучения азбуке учащиеся приступали к изучению священной истории, катехизиса и других учебных книг (статья 10). Представленную информацию ученики должны были выучить наизусть, однако учитель требовал от них пересказать ее своими словами. Если ученик не понимал смысла урока, учитель объяснял его также своими словами. Это правило обязывало учителя постоянно объяснять учебный материал учащимся, не владеящим языком обучения.

В статьях «Наставлений...», посвященных учащимся, возраст и срок обучения не указываются. Обучение каждого школьника продолжалось до тех пор, пока он на экзаменах не продемонстрировал, что «пишет хорошо и чисто, читает свободно гражданские и славянские книги, понимает их и хорошо знает арифметику» (статья 11) (Грек 1993: 97).

Статья шестнадцатая обращает внимание сельских обществ и местных властей на выпускников, показавших «отличные успехи в благонравии, чистописании и арифметике». С согласия родителей они могли быть избраны «кандидаты для определения по времени к должности сельских писарей и учителей». Первые из них, прежде чем занять должность в сельском приказе, должны были проходить обучение делопроизводству в канцеляриях окружных приказов с назначением им жалованья. Те же, кто «имеют охоту быть со временем учителем», получали «особое распоряжение Попечительного комитета». Из выпускников-отличников предполагалось готовить «под руководством землемера мерщиков или землемеров», а также «сельских практических архитекторов под руководством особого учителя, знающего науку архитектуры» сельской местности.

В «Наставлениях...» рассматриваются также вопросы, касающиеся выпускников с более низким уровнем знаний. По окончании школы они должны были вернуться в семьи и заниматься в хозяйстве родителя полезной деятельностью, «в коей отцы их упражняются» (Грек 1993: 28).

Документ осуждает родителей, которые преждевременно забирали своих детей из шко-

лы до экзаменов, а также тех, кто нанимал сыновей-выпускников «в сидельцы по корчмам и лавкам». «Наставления...» оговаривают, что в последнем случае бывшие ученики «невольнo и сами приучаются пороку, а еще более к обманам пьяниц фальшивою мерою, расчетами и другими действиями» (статья 17). Таким образом, получение образования детьми «задунайских переселенцев» не связывалось с капиталистическим укладом, проникавшим в поселения через торговлю.

В «Наставлениях...» для задунайских переселенцев присутствуют и некоторые недостатки. Один из них заключается в том, что способные ученики не были ориентированы на продолжение обучения в гимназиях или высших учебных заведениях страны, что ограничивало их образовательные перспективы. Кроме того, слабо учитывался национальный состав учащихся в поселениях задунайских переселенцев, требовавший знания учителями языков местного населения (болгарского, гагаузского). Основной упор делался на быстрое освоение поселенцами, особенно молодежью, русского языка, аргументируя это тем, что этот язык позволяет учащимся читать и славянские книги.

Тем не менее в «Уставе 1828 года» предусматривалось, что в регионах, где местный язык не является русским, назначается учитель для преподавания правил этого языка, и обучающиеся с разрешения директора могут его изучать (Устав 1830: 1111). Однако на практике, когда данное положение не соблюдалось и обучение велось преимущественно на русском языке, дети, им не владевшие, с трудом включались в образовательный процесс.

В первую очередь «Наставления...» были направлены на подготовку управленческих, хозяйственных и учительских кадров среди переселенцев. В полной мере начальные школы не могли решить эту задачу, из-за ограниченности образовательных возможностей.

Ланкастерский метод обучения

Следует отметить, что в открывавшихся в колониях болгарского водворения школах применялся метод взаимного обучения. Школы, где вводился этот метод, назывались Ланкастерскими (от имени английского педагога и новатора народного образования Джозефа Ланкастера). Основные принципы этого метода были изложены в «Руководстве к взаимному обучению» от 1819 г. (Греч 1819). Суть метода заключалась в том, что учитель сначала обучал группу наиболее способных учеников, а затем они передавали знания остальным. Авторами «Руководства...»

приведены преимущества данного метода – «к времени, к издержкам: для заведения подобной школы не нужно и пятой доли суммы; в отношении к здоровью: ученики не утомляются от сидения на одном месте, в отношениях умственном и нравственном» (Греч 1819: 3).

В этом документе детально описан данный метод и его преимущества, представлены таблицы с размещением учащихся в школе. В «Руководстве» содержатся таблицы с полными расчетами пространства и количеством учеников (§5), указано правильное расположение учительского стола (§6), приводятся даже такие детали, как принадлежности, которые должны быть на учительском столе, количество грифелей (по два на одного учащегося) (Греч 1819: 12).

Стоит отметить, что учителю отводилась роль «Главного надзирателя», который должен был следить за учениками, «наставлять их и поправлять их ошибки» (§ 104) (Греч 1819: 89).

В распространении Ланкастерского метода обучения в Бессарабии, в том числе в колониях задунайских переселенцев, важную роль сыграл призыв Архиепископа Кишиневского и Хотинского Димитрия (Сулимы), адресованный родителям. В своем обращении он подчеркивал значимость и пользу обучения детей в подобных учебных заведениях: «Родители! Какую радость испытаете вы, когда услышите, что из уст младенцев ваших совершается хвала Богу; какую радость испытаете вы, когда увидите, что дети ваши сами в состоянии вести записки и производить необходимые исчисления для вашего хозяйства; когда убедитесь, что это учение наставит их на совершение молитв, молений, прошений...» (Цит. по: Силин 1868, № 20: 459).

Одним из способов привлечения родителей к участию в образовательном процессе стала бесплатная раздача книг Нового Завета. По заранее составленным спискам малоимущих родителей некоторым из них вручали Библии, другим – экземпляры Нового Завета на румынском, болгарском или славяно-русском языках, «смотря по надобности» (Силин 1868, № 21: 497). Такая практика свидетельствует об осознанной попытке вовлечь в систему образования представителей всех этнических групп, включая болгарских колонистов. Метод взаимного обучения сохранился в колониях задунайских переселенцев вплоть до 60-х гг. XIX в. (Грек 1993: 25).

Основные выводы

Таким образом, нормативно-правовая база школьного образования в болгарских колониях

Бессарабии в 40-х гг. XIX в. отражает особую модель образовательной политики, адаптированной к условиям жизни задунайских переселенцев. Принятые «Наставления о главных правилах для сельских школ в колониях» (1842) заложили основы системы, в которой образование сочетало светские знания с религиозно-нравственным воспитанием и носило ярко выраженный практический характер.

Школы действовали в условиях широкой автономии со стороны сельских общин, которые отвечали за финансирование, выбор учителей и контроль за учебным процессом. Введение метода взаимного обучения (Ланкастерского метода) позволило при ограниченных ресурсах обеспечить охват образованием широких слоев детского населения.

Несмотря на наличие положительных элементов, таких как бесплатное образование и ориентация на социальную мобильность лучших учеников, система имела и ряд ограничений: отсутствие механизмов продолжения обучения в средних и высших учебных заведениях, подготовка кадров, направленная преимущественно на нужды самой общины.

Анализ рассматриваемого периода позволяет сделать вывод о том, что нормативно оформленное школьное образование в болгарских колониях Бессарабии стало важным элементом культурной и административной интеграции переселенцев в Российскую империю, сохранив при этом элементы локальной специфики.

Литература / References

Грек И. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX

века. Кишинев: Штиинца, 1993. / Grek I. Shkola v bolgarskih i gagauzskih poseleniyah yuga Rossijskoj imperii v pervoj polovine XIX veka. Kishinev: Shtiinca, 1993.

Греч Н. Руководство к взаимному обучению. СПб.: В типографии издателя, 1819. / Grech N. Rukovodstvo k vzaimnomu obucheniyu. SPb.: V tipografii izdatelja, 1819.

Силин А. Димитрий, Архиепископ Кишиневский и Хотинский. In: Кишиневские епархиальные ведомости, № 20, 1868, 452-460; № 21, 495-501. / Silin A. Dimitrij, Arhiepiskop Kishinevskij i Hotinskij. In: Kishinevskie eparhial'nye vedomosti, № 20, 1868, 452-460; № 21, 495-501.

Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. 1828 г. In: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 3, № 2502. СПб., 1830, 1097-1127. / Ustav gimnazij i uchilishch uездных i prihodskih, sostoyashchih v vedomstve universitetov S.-Peterburgskogo, Moskovskogo, Kazanskogo i Har'kovskogo. 1828 g. In: Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sобрание 2. Т. 3, № 2502. SPb., 1830, 1097-1127.

Duminica I. Coloniile bulgarilor în Basarabia (1774–1856). Chișinău: Lexon-Prim, 2017.

Maria Smirnova (Chișinău, Republica Moldova). Doctorandă, Școala Doctorală Științe Umaniste și ale Educației, Universitatea de Stat din Moldova.

Мария Смирнова (Кишинев, Республика Молдова). Докторант, Докторантура в области гуманитарных наук и образования, Государственный университет Молдовы.

Maria Smirnova (Chisinau, Republic of Moldova). PhD student, Doctoral School of Humanities and Education Sciences, Moldova State University.

E-mail: smirnova.maria@taraclia.edu.md

ORCID: 0000-0001-9095-9140